

DOI: 10.30727/0235-1188-BRREQK

Оригинальная исследовательская статья

Original research article

Эпистемологические основания социоиндивидуализма. Система Лекторского–Аузана*

А.П. Давыдов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья вводит в научный оборот понятие «социоиндивидуализм». Это делается через эпистемологическое обоснование сконструированной автором системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой», которая названа системой Лекторского–Аузана. Данная система объединяет неклассическую эпистемологию акад. В.А. Лекторского с социоиндивидуальной интерпретацией концепции ТриД А.А. Аузана (долгосрочный взгляд, доверие, диалог, договороспособность, взаимопонимание и др.). Это объединение рассматривается как механизм межсубъектного сотрудничества в теориях социальной эволюции акад. В.М. Полтеровича и социального рыночного хозяйства Р.С. Гринберга. Смысловым центром и гипотетическим субъектом системы является авторский концепт «социоиндивидуализма» – медиационная альтернатива эгоиндивидуализму З. Фрейда и эгоцентризму З. Бжезинского, принципиально дополняющая концепцию индивидуализма личности европейского просвещения XVII–XIX веков. В статье последовательно раскрываются социоиндивидуальные основания системы: критика абсолютизации категорического императива И. Канта и обоснование динамичного образа человека как субъекта собственного развития (В.С. Библер, конфуцианство); неклассическое понимание личности через способность Я ответить на зов Другого (М.М. Бахтин, В.А. Лекторский); философский парадокс Лекторского как механизм перехода индивидуального в социальное. Особое место занимает коммуникативно-социологическое измерение системы: ее

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Института социологии ФНИСЦ РАН на тему «Унификация и разнообразие в пространственном развитии России (социально-экономические и социокультурные процессы)».

структура и внутренние механизмы рассматриваются через концепцию автопойетической коммуникации Н. Лумана, «сеть отношений» М. Фуко и принцип «мышления вместе-с» В.И. Аршинова. В заключение исследуются перспективы развития системы через теорию коммуникативного права как социологии «сферы между», разработку двойного индекса меры социального развития, ориентацию на диалектику взаимодополнительности унификации и разнообразия.

Ключевые слова: социальная философия, социальная теория, коммуникация, диалог, медиация, середина, социальное развитие, общество, индивид, унификация, дифференциация.

Давыдов Алексей Платонович – доктор культурологии, эксперт РАН по социологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

Для цитирования: Давыдов А.П. Эпистемологические основания социоиндивидуализма. Система Лекторского–Аузана // Философские науки. 2026. Т. 69. Online First. EDN: BRREQK. DOI: 10.30727/0235-1188-BRREQK

Epistemological Foundations of Socio-Individualism: The Lektorsky–Auzan System*

A.P. Davydov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article introduces the concept of socio-individualism into scholarly discourse by offering an epistemological justification for the author's model of the "Self – Tri-D/communication – Other" system, here referred to as the Lektorsky–Auzan system. The proposed system

* The article was prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), project on "Unification and Differentiation in the Spatial Development of Russia (Socio-Economic and Socio-Cultural Processes)."

brings together Vladislav Lektorsky's nonclassical epistemology and a socio-individual interpretation of Alexander Auzan's Tri-D concept, which includes long-term orientation, trust, dialogue, agreement-building capacity, mutual understanding, and related principles. This synthesis is examined as a mechanism of intersubjective cooperation within Victor Polterovich's theory of social evolution and Ruslan Grinberg's theory of the social market economy. At the conceptual center of the system is the author's notion of socio-individualism, understood as a mediating alternative to Sigmund Freud's ego-individualism and Zbigniew Brzeziński's egocentrism. At the same time, socio-individualism is presented as a substantive extension of the Enlightenment concept of the individual personality that evolved in European thought between the 17th and 19th centuries. The article develops the socio-individual foundations of the system in several stages. First, it critiques the absolutization of Immanuel Kant's categorical imperative and advances a dynamic conception of the human being as the subject of their own development, drawing on Vladimir Bibler and Confucian thought. Second, it elaborates a nonclassical understanding of personality through the capacity of the Self to respond to the call of the Other, with reference to Mikhail Bakhtin and Vladislav Lektorsky. Third, it interprets Lektorsky's philosophical paradox as a mechanism through which the individual is transformed into the social. Particular attention is given to the communicative and sociological dimensions of the proposed system. Its structure and internal mechanisms are analyzed through Niklas Luhmann's concept of autopoietic communication, Michel Foucault's idea of a "network of relations," and Vladimir Arshinov's principle of "thinking together-with." The article concludes by outlining possible directions for the further development of the system, including the theory of communicative law as a sociology of the "sphere between," the construction of a dual index for measuring social development, and a dialectical approach to the mutual complementarity of unification and diversity.

Keywords: social philosophy, social theory, communication, dialogue, mediation, middle ground, social development, society, individual, unification, differentiation.

Alexey P. Davydov – Doctor of Cultural Studies, RAS Expert in Sociology, Chief Research Fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

For citation: Davydov A.P. (2026) Epistemological Foundations of Socio-Individualism: The Lektorsky–Auzan System. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 69. Online First. EDN: BRREQK. DOI: 10.30727/0235-1188-BRREQK

В последние десятилетия XX века начала постепенно складываться неклассическая теория познания, которая отличается от классической по всем основным параметрам, ... этот тип теории познания находится в начальной стадии развития.

В.А. Лекторский

Введение

Эта статья о том, чего в российских социальных науках пока нет. Она предлагает ввести в научный оборот относительно новое понятие – «социоиндивидуализм» – как альтернативу эгоиндивидуализму З. Фрейда, эгоцентризму З. Бжезинского и существенное дополнение к концепции индивидуализма личности, сложившейся в европейском просвещении в XVII – начале XX века. Вместе с тем данная статья – еще не полное научное обоснование этого предложения: такое обоснование впереди. Здесь я делюсь интуитивным ощущением, что понятие «социоиндивидуальное»/«социоиндивидуализм», будь оно принято научным сообществом, займет важную, пока не заполненную нишу – в теории познания, в социальной психологии, в социокультурной экономике и в ряде разделов социологии.

Место этого понятия находится в сфере между индивидуализмом и холизмом, однако не столько между этими полюсами как таковыми, сколько в смысловом пространстве между знанием и незнанием, культурной статикой и социальной динамикой, традицией и инновацией, неизменным и изменчивым,

Я-индивидуальным и Я-социальным, старым и новым – в условной межполюсной «середине» (термин Аристотеля, Г.В.Ф. Гегеля, К. Леви-Стросса; в России – А.С. Ахиезера).

Образ гипотезы социоиндивидуализма постепенно вырос из моей докторской диссертации по культурологии «Становление срединной культуры в России» (2002 год) и двадцатилетнего опыта работы в социологии. Само же слово «социоиндивидуализм» родилось в 2023 году в процессе подготовки к заседанию секции №4 «Проблемы медиации и диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», посвященной 300-летию РАН (Институт социологии РАН, Москва, 25 мая 2024 года) [Давыдов 2023]. Этот образ явился из идеи «межполюсной середины» как альтернативы мышлению абсолютами и крайностями: из критики теорий, веками объяснявших социальное развитие либо через капиталистический «индивидуализм», либо через советский «холизм», и из стремления сформировать идею принципиально иного – неиндивидуалистического и нехолистического – третьего основания социального развития.

Методологический прорыв произошел, когда на заседании секции №4, а затем круглого стола №10 VII Всероссийского социологического конгресса (Институт социологии РАН, Москва, 12 и 14 ноября 2025 года) А.А. Аузан выступил с теорией и методологией ТриД-культуры¹ – долгосрочный взгляд, доверие, диалог. договороспособность, сотрудничество, демократия. Я увидел в ТриД то, что искал: методологию сцепки, способную насытить «тире» между Я и Другим в системе Лекторского конкретным социальным содержанием.

Текст данной статьи написан под знаком составленной мною формулы цивилизационного творчества В.А. Лекторского (система «Я – Другой») [Лекторский, 1991; Лекторский 2010;

¹ В исходной концепции А.А. Аузана речь идет о «системе 3Д» [Аузан 2024] (или о «3D-культуре» [Аузан 2025]): долгосрочный взгляд, доверие большинству людей и договороспособность. В настоящей статье эта триада переосмысливается: ТриД расширяется до методологии социоиндивидуальной коммуникации, включая диалог, взаимопонимание, демократию, сотрудничество, и наделяется статусом субъекта системы «Я – Другой». Тем самым «ТриД-культура» А.А. Аузана в системе Лекторского–Аузана становится ТриД/социоиндивидуальной коммуникацией. А.А. Аузан эту интерпретацию и трансформацию поддержал.

Лекторский 2009] и А.А. Аузана (ТриД-культура) [Аузан 2024]: **«Я – ТриД (долгосрочный взгляд, доверие, договороспособность) / коммуникация – Другой».**

Соединение теорий В.А. Лекторского и А.А. Аузана происходит в этой формуле через мой гипотетический постулат о «социоиндивидуализме» как субъекте ТриД/коммуникации в эпистемологической системе «Я – Другой».

1. Зачем нужна система Лекторского – Аузана?

Сначала было очарование новизной демократических реформ. Система «Я – Другой», рожденная в трудах В.А. Лекторского во второй половине XX века [Лекторский, 1991], несла в себе колоссальный потенциал свободы и гражданственности. Затем – разочарование: олигархический результат ельцинско-гайдаровских реформ обнажил пропасть между теоретической новизной и социальной реальностью. Что было делать? Решение пришло позже. Социальные реформы необходимы, но чтобы новации не повисли в воздухе, прежде нужны реформы культурных оснований, на которых только и могут держаться новые социальные формы.

Вопрос состоял в следующем: как создавать методологию этих оснований? Систему «Я – Другой» изменять нельзя – она каркас, фундаментально демократична, за ней цивилизационное будущее. Ее надо наполнить адекватным социальным содержанием. Но чтобы найти это содержание, нужно было понять, через какую методологию его можно соединить, «сцепить» с системой «Я – Другой». Потенциал такой методологии я увидел в «тире» между Я и Другим. «Тире» – это связь, идея межличностной коммуникации. Если вдохнуть в «тире» установку на социальное развитие, можно получить «Третье Я» – субъекта развития, который поведет за собой всю систему «Я – Другой». Родится иерархия систем, диалог между культурной статикой и социальной динамикой, между старым и новым.

Долгое время образ этого «тире» оставался для меня лишь теоретической интуицией. Но в ТриД А.А. Аузана, я увидел то, что искал: методологию сцепки, способную насытить «тире» между Я и Другим конкретным социальным содержанием. ТриД – это межсубъектная коммуникация, содержащая потенциал «наадресата» (М.М. Бахтин) в дуальной системе «Я – Другой»: альтернативу и индивидуальному, и холистическому как абсолютам.

Соединяя систему «Я – Другой» с ТриД, я методологически превращаю метафору «социоиндивидуальное» в понятие, нацеливающее мое Я и Я Другого на сотрудничество, а индивидуальное и социальное – на взаимопереход, взаимодополнительность, взаимопроникновение, конвергенцию. Берите, люди, лекторско-аузановскую систему «Я – ТриД/коммуникация – Другой» как культурное основание и стройте на ней адекватные теории, социальные формы и реформы!

Однако у данной статьи не только теоретическая, но и утилитарная цель: поиск идей и адекватных технологий социального развития России. И здесь надо заявить о трех интеллектуальных ориентирах, которые определяют движение всего последующего текста.

Первый – критика абсолютов: отказ от мышления крайностями в стратегии социального развития, разабсолютизация командно-административной методологии управления. Смысл этого шага не в отрицании государства или рынка, а в преодолении их абсолютизации.

Второй – формирование альтернативной межполюсной «середины»: переосмысление проблем человека, личности, гуманизма и развития таким образом, чтобы полученная «середина» стала основанием цивилизационного процесса.

Третий – наполнение этой «середины» аутентичным социокультурным содержанием: теория социокультурного развития, способная работать не как социальный идеал, а как методология.

Поэтому в статье я обращаюсь к авторам, которые, как и я, опираются на эти ориентиры и выступают против политики крайностей в общественном и экономическом развитии России. Культуролог, философ и социолог А.С. Ахиезер (1929–2008), философ и психолог, акад. РАН и РАО В.А. Лекторский, экономист и культуролог А.А. Аузан, экономисты чл.-корр. РАН Р.С. Гринберг и акад. РАН В.М. Полтерович, социолог чл.-корр. РАН М.Ф. Черныш давно и определенно пишут о необходимости отказа от крайностей и о поиске медиационных альтернатив. Именно их совместный теоретический опыт формирует то основание, на котором выстраивается предлагаемая система.

2. Социоиндивидуализм

как субъект системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой»

3. Фрейд выстроил «берлинскую стену» между индивидуальным/индивидуализмом (смысл Я, Ид, Оно, Эго, Либи́до) и социальным/холизмом (смысл СверхЯ, Социо). Моя задача – разрушить эту стену с помощью феномена взаимодополнительности и взаимопроникновения смыслов индивидуального и социального в некоем *социоиндивидуальном* как субъекте системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой». Вот некоторые неполные и ограниченные определения социоиндивидуализма.

1. Социоиндивидуализм – это такое индивидуальное, которое целенаправленно ищет и постоянно обновляет меру своего сотрудничества с социальным.

2. Социоиндивидуализм рождается тогда, когда самокритичный и ориентированный на реформирование субъект начинает формировать для-себя и для-Другого новое социальное в соответствии со своими индивидуальными потребностями и ценностями. Процесс рождения социоиндивидуализма – сфера риска. Социоиндивидуализм можно увидеть в научной литературе, призывающей пересобрать социальное, в реформаторском мышлении, методологически разделяющем «новую нормальность» *soсiо*, нацеленного на самоизменение и самообновление, и девиацию *ego*, извращающего инновационность *soсiо* через паталогические интерпретации индивидуализма [Зубок, Селиверстова 2025].

3. В социоиндивидуальном моего Я возникает «необходимость видеть в иной системе ценностей, в чужой культуре, не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностных и интеллектуальных систем отсчета. В этом (социоиндивидуальном. – А. Д.) диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут менять свою идентичность» [Лекторский 2009, 30]. Избежать конфронтации цивилизаций можно только на пути отказа от индивидуального и культурного своецентризма (термин Лекторского), на пути самоизменения, компромиссов, совместности и социоиндивидуализма.

4. То, что я называю социоиндивидуализмом, противостоит эгоиндивидуализму З. Фрейда и эгоцентризму (эгоколлективизму) З. Бжезинского и существенно дополняет представление о

независимости индивидуализма личности европейского просвещения в период с XVII по начало XX века.

5. Социоиндивидуализм – не инициатор революций, войн, реформ или антиреформ. Хотя без него невозможно ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое. Социоиндивидуальное – это субъективный способ принятия решений, самовоспроизводящийся переход индивидуального в социальное и обратно, самовоспроизводящаяся обратная межсубъектная связь, процессы диалогизации и кооперации, нацеленные на повышение уровня межличностного доверия, социального диалога, договороспособности и на нейтрализацию межличностной агрессии.

6. Миссия социоиндивидуализма – поиск меры совместности индивидуального с социальным в условиях реализации задачи социального развития неклассической системы «Я – Другой». Сегодня, когда на передний план нашей рефлексии выступает не столько идеология борьбы видов (Ч. Дарвин), классовая борьба (К. Маркс), столкновение цивилизаций (С. Хантингтон), победы в конкуренции (А. Смит, Дж. Ст. Милль, М. Фридман, Л. Мизес) в битве за ресурсы и в уничтожении соперника, сколько идея роста доверия, формирование условий для диалога, развития договороспособности, сотрудничества и взаимопомощи, социоиндивидуализм выступает как инициатор и исполнитель этой идеи, ее субъект, возможно, *единственный*.

7. Социоиндивидуализм сегодня занимает все более равноправный статус в онтологических слоях менталитета человека наряду с индивидуализмом и холизмом, а в теоретическом мышлении обретает статус участника трехстороннего диалога. Методологический индивидуализм при этом не погибает – через социоиндивидуализм он обретает расширенное содержание. Ценностный статус понятий «эгоиндивидуализм», «холизм» и «социоиндивидуализм», отражающих самопонимание индивидуального в социальном, – это один из механизмов, формирующих меру индивидуализации-социализации человека в обществе.

8. Социоиндивидуализм возникает в сфере между раздвоенными частями субъекта социального развития – в акте снятия (смягчения) противоречия между ними. Можно выделить две политики социального развития, которые условно назовем «сверху» и «снизу». Политика «сверху»: применяем – когда надо – индивидуализм, когда надо – холизм. Реальным субъектом

применения и, следовательно, социального развития является тот субъект управления, которому надо. Политика «снизу»: если нам нужен импульс социального развития через самовоспроизводящуюся обратную связь между органами управления и населением (индивидом), то субъект социального действия – например, заинтересованное население (индивид) – опирается на свой социоиндивидуализм. Философия социоиндивидуализма побуждает сделать вывод: «Противоречие между интересами индивида и общества следует рассматривать не как дихотомию, а как задачу поиска сбалансированной структуры, в рамках которой эти разрозненные интересы выступают взаимосвязанными и неотъемлемыми элементами единой социальной целостности» [Рубинштейн 2025, 10–11]. Саморегулирующимся субъектом социального развития является, таким образом, доверие/диалог/договор между политикой «сверху» и политикой «снизу», одной из форм которого служит система «Я – ТриД/социоиндивидуальная коммуникация – Другой» и тернарное (трехсубъектное: его/индивидуальное – socio/холистическое – социоиндивидуальное) мышление.

Эти восемь пунктов – не дефиниция в строгом смысле. Это предложение к дискуссии, набросок контуров понятия, которое пока не имеет устоявшегося места в отечественных социальных науках. Именно поэтому я не претендую на завершенность формулировок, а лишь фиксирую те смысловые границы, в которых понятие «социоиндивидуализм» обретает собственную аналитическую ценность – отличную и от индивидуализма, и от холизма, и от их механической суммы.

Но дать определение – еще не значит обосновать. «Социоиндивидуализм» нуждается в прояснении своих оснований: без представления о том, как «человек» и «личность» являются носителями социоиндивидуального, само это понятие остается абстракцией. Поэтому следующие два раздела посвящены, соответственно, проблеме человека и проблеме личности – как двум ступеням на пути, ведущему к более полному пониманию субъектности системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой» и смысла социоиндивидуализма.

3. Проблема человека

Определив некоторые контуры понятия «социоиндивидуализм» и наметив его место в системе «Я – ТриД/коммуникация – Другой», мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: а каково то

сознание, которое создало систему Лекторского–Аузана, рассматривает социоиндивидуализм в качестве субъекта этой системы и, по существу, вводит изменения в представлении о гуманизме? Для ответа на этот вопрос предлагается пересмотр некоторых взглядов на философию.

Нам надо отказаться от абсолютизации категорического императива И. Канта, предписывающего рассматривать человека только как максиму, высшую *цель* в системе межсубъектной коммуникации и в процессе познания. Предлагаю начать изучать переход к альтернативному рассмотрению человека как *средства*. Это не отказ от Канта и достижений Нового времени: не признавать его вклад в теорию личности невозможно. Но абсолютизация категорического императива замораживает образ человека в «скульптурной» статике данности – и тем лишает его способности к развитию.

Альтернативу статике Канта я вижу в рассуждениях В.С. Библера: «Предмет могуч... не тем, что он есть, – это Новое время, но тем, “к чему” он в той мере, в какой он наиболее *средство* (для чего-то...), то есть в той мере, в какой он наиболее ничто *сам по себе*, в какой он *наименее эгоистичен*, чем более он не “почему...”, а “*во имя...*”. Но чем более он средство, тем более оказывается, что цель его... в нем самом, что цель его – быть средством, или иначе, что цель цели – наделять предметы способностью быть средством... цель ничто без средств, к ней ведущих, цель определяется своими средствами. И обратно, – чем более предмет самодовлеющ, тем ничтожнее он, тем он менее может служить средством. Определить предмет как средство и означает определить его могущество в его ничтожности, его ничтожность – в его могуществе» [Библер 2002, 91–92].

Этот «живой утилитаризм» Библера перекликается с гимном деятельному самосовершенствованию в исполнении одного из крупнейших философов раннего конфуцианства Сюнь-цзы (IV–III века до н.э.): «Вместо того, чтобы возвеличивать небо и размышлять о нем, не лучше ли, самим умножая вещи, подчинить себе небо?! Вместо того, чтобы служить небу и воспевать его, не лучше ли, преодолевая небесную судьбу, самим использовать небо в своих интересах? Чем только надеяться на время года и ожидать, что тебе принесет небо, не лучше ли самим в соответствии со временем года добиться всего этого?! Чем ожидать самоумножения вещей, не лучше ли, используя возможности человека, самим изменить вещи?! ...Чем только

желать, чтобы вещи рождались так, как нам того хочется, не лучше ли самим заставить их совершенствоваться согласно нашим желаниям?!» [Сюнь-цзы 1973, 173].

Каков же вывод? В истории науки о человеке столкнулись два образа человека: *картезианско-кантианский* – человек мыслящий и, следовательно, существующий, взятый в своей данности, гуманистической целостности, «скульптурной» статике; и *библеровско-конфуцианский* – динамичный человек как субъект своего развития, понятый через самокритичную способность изменяться, совершенствоваться, беспощадно работая над своими способностями – иначе смерть.

Отказываясь от абсолютизации Канта, мы не отказываемся от гештальт-человека Канта. Равноправие категорического императива и творческого «живого» утилитаризма Библера позволяет строить человеческое не через Канта и не через Библера – а через *диалог двух представлений о человеке*: об идеале (ценностях, способных сохраняться тысячелетиями) и утилитарных средствах достижения этих целей (интересах, сроки изменения которых могут исчисляться днями, месяцами, иногда годами).

И статичный Кант, и динамичный Библер – и индивидуальное, взятое как цель и средство, и социальное, взятое как цель и средство, – могут найти общий язык в гуманизме конвергентной «середины» системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой». Почему? Ответ в двух ракурсах.

1. В *оптике Канта и философии Нового времени* универсальная система Лекторского–Аузана обеспечивает демократическую стабильность в обществе, опираясь на соответствующие ценности: обобщенное доверие, социальный диалог, договороспособность, долгосрочный взгляд, снижение транзакционных издержек, избегание чрезмерной неопределенности, сокращение дистанции власти, сотрудничество, консенсусная демократия.

2. В *оптике Библера и философии конфуцианства* система Лекторского–Аузана опирается на те же ценности, но нацеленные на иное – критику, перемены, модернизацию, глубокую реформу исторически сложившегося общества.

Почему между этими оптиками не возникает раскола в процессе реализации установки на социальное развитие? Потому что система Лекторского–Аузана – это по определению институт «середины», медиации, социального диалога и поиска форм

социоиндивидуализма, а не институт картезианского экзистенциального сомнения в Другом или кантианского овладения Другим, контроля над ним, определения Другого как «своего» либо «чужого». Лекторский и Аузан не ликвидируют противоречия между индивидуализмом и холизмом, культурой и обществом, традицией и инновацией, Я и Другим, старым и новым – но, определяя границы (правила) сотрудничества через фундаментальность системы «Я – Другой», устраняют антагонизм между ними.

Поскольку абсолютного индивидуализма не существует, индивид постоянно задается вопросом: где и как проходит граница между «социо-» и «эго»? Но это уже проблематика того, что мы называем личностью.

4. Проблема личности

Поставив вопрос о человеке и назвав два его противостоящих образа – статичный кантианский и динамичный библеровско-конфуцианский, – мы неизбежно переходим к следующему вопросу: каков же тот социоиндивидуальный субъект, который живет на границе между «социо» и «эго», то есть личность?

На пути к пониманию *социоиндивидуализма личности* наука сделала несколько первоначальных, подготовительных, но самых трудных и нужных шагов. Основоположник российской версии неклассической философии В.А. Лекторский заметил: «Неклассическое понимание Я, разрабатывающееся в философии XX века, отказывается от того понимания Я, которое сформулировал Декарт» [Лекторский 2009, 176]. В эпистемологии Лекторского возникает альтернатива картезианству: во-первых, система «Я – Другой»; во-вторых, рождается и все более утверждается в правах императив способности Я ответить на *зов Другого* (М. М. Бахтин). Через Бахтина–Лекторского формируется предпосылка межсубъектного диалога и сотрудничества, а значит, и основание сближения социального и индивидуального в том, что можно назвать социоиндивидуальным.

Но остается непроясненным самый трудный вопрос: *как* происходит переход индивидуального в социальное, чтобы получить социоиндивидуальное? Конечно, общепризнано – это происходит через понимание личностью, что свои индивидуальные потребности она может реализовать только в коллективе. Но каков механизм этого перехода? Ниже – два

ответа: философский парадокс В.А. Лекторского и концепт «мышления вместе-с» В.И. Аршинова.

Философский парадокс В.А. Лекторского. Академик Лекторский предложил формулу: «Чем более всеобщий характер носит деятельность личности, тем более она лично индивидуально» [Лекторский, 2024,17].

В этом «философском парадоксе», как Лекторский сам его назвал, рухнула Берлинская стена между Я (Ид, Эго, Либи́до, Оно) и Сверх-Я (Социо, общество), которую выстроил З. Фрейд и в которой Я и Социо – непримиримые антагонисты. Исчезло представление об узком – можно сказать, классовом – понимании индивида по формуле «либо – либо»: либо через субъектность Я, подавляемую со стороны «Социо» (образ раба, угнетаемого человека), либо через независимость личности, борющейся против «Социо» за свою свободу (образ бунтаря-революционера).

Выведя «Социо» из «Сверх-Я» и введя наиндивидуальное в само Я, в его культурный код, Я в интерпретации Лекторского перестало быть «чистым», «абсолютным», религиозным, партийным, сектантским. Более того, его Я стало рассматривать социальное как возможную область реализации своих индивидуальных интересов. Через систему Лекторского–Аузана родилось обоснование образа сложного, самокритичного, противоречивого, часто «мутного», раздвоенного, иногда расколотого (Р.Д. Лэнг) [Лэнг 1995], но диалогичного Я, ориентированного на доверие, диалог, договор и сотрудничество с «Социо». Явился смысл, идея, прообраз социоиндивидуального Я как теоретическое основание исследований его бесчисленных конкретных форм.

Таким образом, философский парадокс Лекторского разрушает дихотомию «индивид против общества» изнутри: чем полнее личность реализует себя как субъекта всеобщей деятельности, чем богаче ее вклад в межсубъектную коммуникацию, тем глубже ее личностная индивидуальность. Это и есть механизм рождения социоиндивидуального: не отказ от Я ради socio и не замыкание Я на себе-вожде, а взаимопроникновение индивидуального и социального в акте взаимно ответственной деятельности.

«Мышление вместе-с» по В. И. Аршинову. Философский парадокс Лекторского описывает механизм перехода через деятельность. Но существует и другой, принципиально иной механизм – через коммуникацию как самостоятельный субъект. Его описывает В. И. Аршинов в концепте «мышления вместе-с».

В основу этой концепции я кладу два суждения Аршинова. Первое – из письма ко мне от 3 сентября 2024 года: «Вводимый вами концепт “середина-для” (“представление о субъектности” “сферы между” культурой и обществом, нацеленной на развитие обоих полюсов через развитие себя как основания этого развития”) представляется мне чрезвычайно интересным» [Давыдов 2024, 121]. Второе – о природе нейросети как коммуникативного субъекта. Те формулировки, которые предлагает Аршинов, характерны, на мой взгляд, для любого субъекта – будь то нейросеть Аршинова или ТриД/коммуникация Аузана: и то, и другое есть «сеть отношений» (М. Фуко) [Фуко 2004] и «субъект межсубъектных связей» (Н. Луман) [Луман 2004].

Вступая в коммуникацию с ТриД и иными формами сетевых отношений, мы участвуем в сложном переплетении взаимного социоиндивидуального признания и различия. Мы сами в качестве наблюдателя становимся участниками этой сети. Выделяя ТриД как коллективного участника сети и себя как индивидуального автора этого участия, мы наделяем ТриД определенной формой социоиндивидуальной субъективности, которой можно дать имя «мышление вместе-с». Эта субъективность исходит из трех источников: 1) от нас – читателей текстов о ТриД и его интерпретаторов; 2) от объекта, с которым интенционально коммуницирует ТриД; 3) из имманентной ТриД эндогенной специфики, благодаря которой она выделяет себя, участвуя в процессе саморефлексии.

Например, ТриД, будучи включенной в сеть, в коммуникацию, в диалог, начинает рассуждать о себе и тем самым формирует ТриД-субъективность. Задавая вопрос о собственной природе, ТриД-сеть заявляет о своей субъектности: «Я – ТриД-сеть, я социоиндивидуальна, и я существую».

Как видим, философский парадокс Лекторского – не единственный механизм, объясняющий рождение социоиндивидуализма. Эту же функцию, но существенно по-иному, выполняет «мышление вместе-с» по схеме Аршинова. В первом случае переход из индивидуального в социальное происходит через *деятельность личности*; во втором – через *коммуникативную субъектность самой сети*, которая в процессе диалога обретает социоиндивидуальное измерение.

Оба механизма не противоречат, а дополняют друг друга, описывая два разных уровня одного и того же феномена:

социоиндивидуальный переход совершается и «снизу» – через личность, и «сверху» – через коммуникативную среду. Именно это двойное основание делает понятие «социоиндивидуализм» не абстрактной метафорой, но инструментальной категорией – пригодной и для теории личности, и для теории коммуникации, и для социологии развития.

Но здесь же встает следующий вопрос: какова структура той системы, внутри которой эти механизмы работают?

5. Структура системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой». Коммуникативная социология

Итак, механизмы рождения социоиндивидуализма в первом приближении описаны – через деятельность личности (философский парадокс Лекторского) и через коммуникативную субъектность сети (Аршинов). И встает следующий вопрос: какова *структура* той системы, внутри которой эти механизмы работают?

Для того чтобы создать предпосылку для медиационного мышления, В.А. Лекторский давно призывает очистить смысловое пространство, соединяющее Я и Другого в системе «Я – Другой», от суперкритицизма, субъектоцентризма, фундаментализма, нормативизма и множества других «-измов» [Лекторский 2010, с. 492–502]. Освобожденное таким образом «тире» между Я и Другим необходимо наполнить аутентичным социальным содержанием: связями между людьми, межличностной коммуникацией, способностью цивилизаций к открытости, интенциональности, феномену самовоспроизводящейся обратной связи – доверию, диалогу, договору, долгову взгляду.

Именно это место – место между Я и Другим – я отдаю «ТриД/коммуникации» А.А. Аузана как методологии сотрудничества [Аузан 2024]. ТриД-культура (доверие, диалог, договороспособность) содержит потенциал «Третьего Я», «наадресата» (М.М. Бахтин) в дуальной системе «Я – Другой» – альтернативу и индивидуализму, и холизму как абсолютам. Соединяя «Я – Другой» с «ТриД», я превращаю метафору «социоиндивидуальное» в понятие, которое нацеливает Я и Другого на сотрудничество, а индивидуальное и социальное – на взаимопереход, взаимодополнительность, взаимопроникновение.

Этот шаг новый. Но сама логика «социоиндивидуального направления» не нова. Однако среди многих блестящих имен, описывающих субъект-субъектные отношения в оппозиции «Я –

Другой» – Хайдеггер («бытие-с»), Бубер («Я – Ты» вместо «Я – Оно»), Левинас («каждый, кто говорит Я, адресуется к Другому»), Гадамер («свободное перетекание Я в Ты») и др., я выделяю прежде всего тех, чьи теоретические концепты непосредственно образуют основание настоящей системы.

М. Фуко ввел представление о «сети отношений» как носителе автономной субъектности социального развития [Фуко 2004]. Н. Луман сказал, что общество как социальная система состоит из коммуникаций между людьми, а не из людей или действий, и ввиду этого призвал отказаться от абсолютизации антропоцентризма в изучении коммуникации [Луман 2004]. Л.С. Выготский показал психологическое тяготение развитого интеллекта к внутреннему диалогу с собой и со всеми как основание коммуникации. Наконец, акад. А.В. Смирнов внес важнейший постулат о том, что «середина» не статична, а изменчива, «текуча», «процессуальна» [Смирнов 2019, 5–91], и именно через этот постулат система «Я – Другой» обретает способность меняться во времени.

Коммуникация, таким образом, воспроизводится по двум основаниям. *Антропоцентрическое* (М. Вебер, Э. Дюркгейм): каков субъект – таков и тип производимой им коммуникации. *Автопозитическое* (Н. Луман)²: коммуникация несет в себе самостоятельную субъектность, независимую от конкретного носителя. Первый тип доминирует в процессах борьбы за власть – во время войн и революций. Второй – в процессах социальной

² Определяющими понятиями теории коммуникации Н. Лумана являются следующие. *Автопозитис* (самовоспроизведение) может происходить в форме жизни, в форме сознания или (в случае социальной системы) в форме коммуникации. *Коммуникация* описывает не только действие сообщения, «переносящее» информацию, но и саму автопозитическую операцию, которая связывает в одно эмерджентное целое три различные части: «информацию», «сообщение» и «понимание», и может быть включена в дальнейшие коммуникации. *Общество* – социальная система, включающая в себя все коммуникации, содержащие смысл и всегда образующаяся после того, как коммуницируются все предыдущие коммуникации. или же является причиной, по которой осуществляются последующие коммуникации (также автопозитические). *Социальная система* устанавливается всегда, когда осуществляются автопозитические отношения коммуникации, которые отграничиваются от внешней среды, через ограничение соответствующих коммуникаций. Социальная система состоит, таким образом, не из людей или действий, а из коммуникаций [Луман 1995].

эволюции, сотрудничества и выживания через развитие в человеке и социальных системах императивов доверия, диалога и договороспособности. Задача науки – описать меру *взаимодополнительности* этих двух оснований.

Опираясь на эту двойственность, я осуществляю социологизацию эпистемологической системы В.А. Лекторского. Это означает: использую его «деятельностный подход» и концепт «предметов-посредников» как основание своих действий; придаю системе «Я – Другой» способность изменяться через постулат А.В. Смирнова об «изменчивости середины»; и интегрирую в нее четыре теоретических концепта, имеющих социологическое и цивилизационное значение:

1. Теоретический концепт В.М. Полтеровича «сотрудничество между людьми как основание социальной эволюции» [Полтерович 2022а; Полтерович 2022б]. Этот концепт вносит в систему «Я – Другой» эволюционную социологию: не конкуренция, а кооперация является движущей силой социального прогресса.

2. Концепт Р.С. Гринберга «социальное рыночное хозяйство» [Гринберг 2012] – концепт, утверждающий несводимость и взаимодополнительность государственного и частного, служения и контроля, «для» и «от» в социально-экономической сфере.

3. Концепт А.А. Аузана «ТриД/коммуникация как методология реализации теории Полтеровича» [Аузан 2024]. ТриД – это не просто ценности, а инструментальная методология, объясняющая, через что именно происходит переход от конкуренции к сотрудничеству.

4. Концепты А.П. Давыдова «социоиндивидуализм» и «социальный диалог» как методология способности системы «Я – Другой» к цивилизационному творчеству, то есть ее способности быть субъектом социального развития в теории познания Лекторского, теории сотрудничества Полтеровича, концепции социального рыночного хозяйства Гринберга и методологии ТриД/коммуникации Аузана [Давыдов 2024].

В результате в науке о социальном развитии на базе неклассической философии (Лекторский), экономической культурологии (Полтерович, Гринберг, Аузан) и экзистенциальной социологии (Давыдов) происходит рождение системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой» как теоретического основания социального развития.

Система «Я – ТриД/коммуникация – Другой», как уже было отмечено выше, производит тернарное (трехсубъектное) мышление: «эгоиндивидуальное – социоиндивидуальное – социохоллистическое». Средний член – социоиндивидуальное – не синтез и не столько компромисс, сколько самостоятельный третий субъект, порожденный диалогом двух других и постоянно переопределяющий их соотношение. Саморегулирующимся субъектом социального развития является, таким образом, доверие/диалог/договор между политикой «сверху» и политикой «снизу» – их межполюсная коммуникация.

Исследование коммуникации через эту двойственность – антропоцентрическую и автопозэтическую – продолжает традицию Н. Лумана и открывает перспективу *коммуникативной социологии*, которая изучает:

- *объект* коммуникации: социальные системы, сеть коммуникаций, право, экономика;
- *предмет* коммуникации: структуру, механизмы воспроизводства и эволюции коммуникации;
- *субъект* коммуникации: способность коммуникатора, медиатора, управленца, ИИ коммуницировать;
- *кибернетическую специфику* коммуникации как наблюдения за наблюдением, что позволяет учитывать саморефлексивность социальных систем и их эволюцию.

Через такую социологию рождается и теория *коммуникативного права* – права, защищающего субъектность социоиндивидуальной связи между людьми и регулирующего меру применения этого типа связи в межсубъектных отношениях. В набор показателей «право на доверие», «право на диалог», «право на договор» необходимо включить и обратные: «право на недоверие», «право на монолог (право говорить, чтобы быть услышанным)» – то, что можно назвать «правом, диктуемым моральным разумом». Это направление позволяет не только теоретизировать, но и методологически бороться с монополизмом системы «власть – собственность» в экономической политике.

Структура системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой» – это, таким образом, не схема и не метафора, а функционирующий теоретический инструмент. Но как он меняется под воздействием внешней среды? Как система переходит из одного состояния в другое?

6. Фактор внешней среды как основание социоиндивидуального развития

Система «Я – ТриД/коммуникация – Другой» не статична: она изменяется. Возникает вопрос: *что именно* запускает переход от одного ее состояния к другому? Ответ, который предлагает настоящий раздел: внешний фактор как наблюдатель, стоящий над противостоящими субъектами и способный переформатировать сам предмет их диалога.

Автор теории диалогии (диалога логик) В.С. Библер оспаривает «триадную схему» Г.В.Ф. Гегеля «тезис – антитезис – синтез». По Библеру, синтез в этой схеме не имеет достаточного основания: логический субъект лишь предполагается, но не присутствует. Вместо гегелевской триады Библер предлагает феноменологически данную схему спора: «тезис – антитезис – тезис – антитезис – ...с переходом “n+1” – к совсем иной логике (и иному предмету) спора (точке трансдукции)» [Библер 2002, 143].

Формула «n+1» – это символ перехода системы к новому системному качеству: к новому знанию, к новой самовоспроизводящейся ситуации, к новизне, которая не абсолютна, а дополняет и модернизирует предыдущий опыт. Библер убедительно показывает механизм социальной эволюции через изменение и наращивание знания. Но остается вопрос: по какой *причине* аналитический разум вообще отказывается от первой пары «тезис – антитезис» и переходит ко второй?

Причиной является воздействие на систему *внешнего фактора*³. В самом тексте Библера таким внешним фактором выступает медиационное, нацеленное на синтез мышление самого Библера – наблюдатель, стоящий над спором. Внешний фактор иногда решающим образом помогает перейти к ТриД-переформатированию – изменению предмета диалога, – чтобы получить n+1. Если изменяется предмет спора, меняется и логика коммуникации: от жесткой конфронтации, от хаоса И. Пригожина, от раскола А.С. Ахиезера, от разрыва Л.Е. Бляхера – к формированию конвергентного содержания межполюсной «середины» как нового основания коммуникации, а следовательно, к появлению возможности продуктивного диалога.

³ Внешним для человека фактором может быть все, что угодно. Например, информация, знание, событие, даже просто наступившее плохое самочувствие.

Ниже – два примера, демонстрирующие принцип $n+1$ в действии. Их подробный анализ проведен нами в другой работе [Давыдов 2020]; здесь мы ограничиваемся выводами, значимыми для теории социоиндивидуализма.

Вестфальский мир (1649). Тридцатилетняя война между католиками и протестантами унесла 8 миллионов жизней. Договориться три десятилетия не удавалось. Перелом наступил, когда внешний фактор – слабеющая власть императора и Папы, усиление Швеции и Франции – изменил сам предмет общеевропейского диалога. Вопросы государственного строительства и независимости новых держав стали важнее конфессионального противостояния; дискуссия между церквями превратилась в частный случай более широкой межгосударственной дискуссии. Спорщики-церкви вынуждены договариваться на новых принципах. По существу, победил не кровавый индивидуализм/холизм католиков и протестантов, а *диалогоспособный социоиндивидуализм* Вестфальского договора – здравый смысл «середины»: лучше защитить свое через признание права Другого, чем сгореть в огне войны.

Брестский мир (1918). Российская армия воевать не могла. Внешний фактор – неизбежность поражения – существовал, но был неверно использован Л.Д. Троцким: лозунг «ни мира, ни войны» не менял предмет спора, а усугублял тупик. В.И. Ленин поступил иначе: изменил предмет дилеммы, выдвинув лозунг «превратить войну империалистическую в войну гражданскую» и начав создавать Красную армию. Новый внешний фактор – армия, способная воевать, – сделал вопрос о подписании Брестского мира второстепенным. Ленин легко его подписал и так же легко аннулировал, когда 11 ноября 1918 года Германия капитулировала.

В обоих случаях действует одна и та же логика: внешний (третий) фактор меняет предмет межсубъектной «середины» и тем самым переводит систему из состояния антагонизма в состояние договороспособности, производя $n+1$.

Внешний фактор не обязательно имеет масштаб мировой войны. Это может быть и локальный посредник в трудовом конфликте, и беспристрастный арбитр в научной полемике, и изменившееся экономическое давление на конкурирующие группы интересов. Во всех случаях его функция одна и та же: он выступает как «*нададресат*» (М.М. Бахтин) – третий субъект,

присутствие которого создает условие для перехода от монолога к диалогу, от инверсии к медиации (А.С. Ахиезер).

Социоиндивидуализм в этой перспективе – не просто черта личности и не просто свойство коммуникативной сети. Это еще и *практика внешнего фактора*: способность наблюдателя/медиатора опереться на здравый смысл «середины» и предложить новый предмет диалога, который обесценивает старую конфронтацию и открывает возможность для нового основания сотрудничества.

Таким образом, $n+1$ -развитие – это не абстрактная эволюция идей. Это социоиндивидуальный по природе процесс, в котором деятельность личности (философский парадокс Лекторского), коммуникативная субъектность сети (Аршинов) и давление внешнего фактора (Библер – Ахиезер – Давыдов) действуют совместно, образуя структурную триаду механизмов социоиндивидуального развития. Как эта триада работает в рамках системы «Я – ТриД/коммуникация – Другой» в целом? И каковы перспективы этой системы?

7. Система Лекторского–Аузана: перспективы развития

В результате теоретизирования В.А. Лекторского и А.А. Аузана родилось концептуальное пространство, обладающее самовоспроизводящейся субъектностью. В нем бытуют исторически сложившийся статичный Я, исторически сложившийся статичный Другой и некий Третий смысл – постоянно изменяющийся, каждый день заново рождающийся и становящийся все более политически зрелым и уверенным в себе инновационный и динамичный самозванец Аузана⁴, необходимые и свободные условия для ТриД-бытия которого создает эпистемология Лекторского.

Этот юный prospect стоит все время перед нравственным выбором: между социальным диалогом и нарождающимся в нем монологом, между привычным ему юношеским эгоиндивидуализмом и новым для него умудренным опытом социоиндивидуализмом, между «предать» для-себя или «играть вдолгую» во-имя.

⁴ Медиационная теория «самозванства» как социальной альтернативы предложена в исследованиях творчества Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Булгакова, Высоцкого (см.: [Давыдов 2012]).

Но у этого полусубъекта, почти субъекта – колоссальное нравственное преимущество: он социоиндивидуален и медиационен, так как несет n+1-методологию, нацеленную на получение нового знания, и социальную программу ТриД, которыми коренные насельники системы «Я – Другой» не обладают.

Именно это нравственное измерение социоиндивидуализма определяет политический и гражданский потенциал системы в целом. Теория социоиндивидуализма, формирующаяся под влиянием глубокого демократизма неклассической философии (Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Поппера, в России – Ильенкова, Лекторского, Мамардашвили, Батищева, Библера), обретает в системе Лекторского–Аузана конкретное гражданское содержание. Во-первых, система полисубъектна и потому является культурным основанием принципа многопартийности в политической жизни общества. Во-вторых, Другой в этой системе равноценен, равнозначим Я, и потому эта система служит культурным основанием принципа «разделения властей» в социальном управлении. В-третьих, если система Лекторского–Аузана является культурным основанием образа гражданского общества, то социоиндивидуализм (социоиндивидуальное) – культурным основанием порождаемой ею социальной субъектности.

Таким образом, в полученной формуле появилось полисубъектное (трехсубъектное) противоречие как базовая предпосылка и основание социоиндивидуального развития системы Лекторского–Аузана. И родились представления о механизмах этого развития. На *уровне личности* такими механизмами являются способность ответить на зов Другого (М.М. Бахтин, В.А. Лекторский), философский парадокс Лекторского, изменчивость «середины» (А.В. Смирнов); на *уровне коммуникации, связи* между индивидами: ТриД/коммуникация (А.А. Аузан), n+1 (В.С. Библер), «Мышление вместе-с» (В.И. Аршинов), полисредовой подход (В.Е. Лепский); на *уровне общества*: теория сотрудничества В.М. Полтеровича, концепция социального рыночного хозяйства Р.С. Гринберга, социологическая интерпретация теории общественного договора А.В. Тихонова, А.А. Мерзлякова.

Эти механизмы – и каждый в отдельности, и в совокупности – нацелены на дифференциацию исторически сложившихся структур унификации стандартов управления и формирование

новых. Но функциональность этих механизмов может быть описана и оценена лишь с помощью адекватных показателей и индексов. Взятые в совокупности, они нацелены на создание условий для обеспечения социального развития, учитывающего интересы индивидов, общества и государства.

Через систему Лекторского–Аузана рождается новый взгляд на гуманизм современности. На передний план истории глобализации выдвигается задача социального развития через способность не столько к получению быстрой экономической выгоды, сколько к экзистенциальной свободе: доверию друг к другу, социальному диалогу, социоиндивидуализму, глобальному договору и поиску адекватной меры совместности. Но ставится эта задача не как идеологический путь к светлому будущему, а как инструментальная.

Заключение

Настоящая статья не есть полноценная теория социоиндивидуализма: разработка этой теории – задача будущего. Но уже можно выделить следующие направления разработки такой теории.

Теоретические направления. Необходима более детальная разработка социологии социоиндивидуального: эмпирические показатели социоиндивидуализма, его соотношение с родственными понятиями – методологическим индивидуализмом, социальным капиталом, гражданской культурой. Надо развивать медиационный потенциал системы Лекторского–Аузана через социологию коммуникативного права. В набор показателей «право на доверие», «право на диалог», «право на договор» необходимо включить симметричные им: «право на недоверие», «право на монолог (право говорить, чтобы быть услышанным)» и моральное «право не жить по установленным правилам» (право, диктуемое «моральным разумом» и «разумной моралью»). Этот раздел коммуникативного права должен стать предметом не только юридической, но и социологической, и психологической, и этической рефлексии и разрабатываться с помощью двойного индекса меры социального развития: 1) индекса цели социального развития и 2) индекса границ социального развития.

Прикладные направления. Система Лекторского–Аузана пригодна как аналитический инструмент для изучения конкретных социальных конфликтов: трудовых, межкультурных, межпоколенческих, региональных. В каждом из них

присутствуют все три элемента – Я, Другой и «тире» между ними; задача исследователя – описать содержание этого «тире» и найти внешний фактор, способный изменить предмет диалога. Особого внимания заслуживает диалектика взаимодополнительности унификации и разнообразия в пространственном развитии России: как в разных регионах складываются разные меры социоиндивидуального баланса – и что это означает для федеративной политики.

Конечная цель этих направлений – создать медиационную технологию измерения процессов социального развития через исследование динамики меры взаимодополнительности/взаимопроникновения указанных индексов. Именно поэтому перспектива развития системы Лекторского–Аузана состоит в движении от эпистемологической теории к технологии измерения и управления социоиндивидуальным развитием.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Аузан 2024 – Аузан А.А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 11–26.

Аузан 2025 – Аузан А.А. Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях // *Вестник Московского университета*. Серия 6. Экономика. 2025. Т. 60. № 1. С. 3–18.

Бахтин 2000 – Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.

Балацкий 2024 – Балацкий Е.В. Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 27–46.

Библер 2002 – Библер В.С. Замыслы. – М.: РГГУ, 2002.

Гринберг 2012 – Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012.

Давыдов 2012а – Давыдов А.П. Переход от цивилизационной идентичности к самоидентификации личности в России в условиях модернизации. Вопросы методологии // *Философские науки*. 2012. № 11. С. 37–46.

Давыдов 2012б – Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. – М.: Мысль, 2012.

Давыдов 2020 – Давыдов А.П. Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // *Россия*

реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024а – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Давыдов 2024б – *Давыдов А.П.* «Середина» как метод: поиск социоиндивидуального // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 114–135.

Зубок, Селиверстова 2025 – *Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А.* Смысловые девиации в молодежной среде: методология и методика исследования // Социологические исследования. 2025. № 12. С. 28–49.

Лекторский 1991 – *Лекторский В.А.* Теория познания: в 4 т. Т. 2. – М.: Наука, 1991.

Лекторский 2009 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – 3-е изд. – М.: URSS, 2009.

Лекторский 2010 – *Лекторский В.А.* Я // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2010. С. 492–502.

Лекторский 2024 – *Лекторский В.А.* Индивидуализация. Коллективность. Диалог // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25.

Луман 1995 – *Луман Н.* Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.

Луман 2004 – *Луман Н.* Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004.

Лэнг 1995 – *Лэнг Р.Д.* Расколотое «Я». Антипсихиатрия. – М.: Академия; СПб.: Белый кролик, 1995.

Полтерович 2022а – *Полтерович В.М.* Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 31–43.

Полтерович 2022б – Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 42–57.

Рубинштейн 2025 – Рубинштейн А.Я. Интересы индивидуумов и общества: от экономической социодинамики до релятивистской методологии // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 10–37.

Смирнов 2019 – Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. – М.: Институт философии РАН; Садра; ЯСК, 2019.

Сюнь-цзы 1973 – Сюнь-цзы. Глава 17. «О небе» // Древнекитайская философия. В 2 т. Т. 2 / сост. Ян Хин Шун. – М.: Мысль, 1973. С. 167–174.

Фуко 2004 – Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004.

REFERENCES

Auzan A.A. (2024) Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 11–26 (in Russian).

Auzan A.A. (2025) Cultural Codes of the Economy at the Macro- and Microlevels. *Lomonosov Economics Journal*. Vol. 60, no. 1, pp. 3–18 (in Russian).

Bakhtin M.M. (2000) *The Author and the Hero: On the Philosophical Foundations of the Humanities*. Saint Petersburg: Azbuka (in Russian).

Balatsky E.V. (2024) Philosophy of Cooperation in Institutional Design: Origins, Limitations, and Prospects. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 27–46 (in Russian).

Bibler V.S. (2002) *Plans*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Davydov A.P. (2012a) Transition from Civilisational Identity to Individual's Self-Identification in Russia under Modernisation Conditions. Issues of Methodology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 11, pp. 37–46 (in Russian).

Davydov A.P. (2012b) *Non-Political Liberalism in Russia*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Davydov A.P. (2020) Methodological “Middle” as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2021) Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky’s Non-Classics, A. Akhiezer’s Mediation, and R. Grinberg / A. Rubinstein’s Principle of Complementarity. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Davydov A.P. (2024a) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024b) The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 114–135 (in Russian).

Foucault M. (2004) *The Archaeology of Knowledge* (M.B. Rakova & A.Yu. Serebryannikova, Trans.). Saint Petersburg: “Gumanitarnaya akademiya” Publishing Center; Universitetskaya kniga (Russian translation).

Grinberg R.S. (2012) *Freedom and Justice: Russian Temptations of a False Choice*. Moscow: Magistr; INFRA-M (in Russian).

Laing R.D. (1995) *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. Anti-Psychiatry*. Moscow: Akademiya; Saint Petersburg: Belyy krol'ik (Russian translation).

Lektorsky V.A. (1991) *Theory of Knowledge* (Vol. 2). Moscow: Nauka (in Russian).

Lektorsky V.A. (2009) *Classical and Non-Classical Epistemology* (3rd ed.). Moscow: URSS (in Russian).

Lektorsky V.A. (2010) Self. In: *New Philosophical Encyclopedia* (Vol. 4, pp. 492–502). Moscow: Mysl' (in Russian).

Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 13–25 (in Russian).

Luhmann N. (1995) What Is Communication? (D. Ozirchenko, Trans.). *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 114–124 (Russian translation).

Luhmann N. (2004) *Society as a Social System*. Moscow: Logos (Russian translation).

Polterovich V.M. (2022a) Competition, Cooperation, and Life Satisfaction. Part 1: The Seven European Leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 2, pp. 31–43 (in Russian).

Polterovich V.M. (2022b) Competition, Cooperation, and Life Satisfaction. Part 2: The Basis of Leadership – Collaborative Advantages. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 3, pp. 42–57 (in Russian).

Rubinstein A.Ya. (2025) Individual and Societal Interests: From Economic Sociodynamics to Relativist Methodology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 10–37 (in Russian).

Smirnov A.V. (2019) *The All-Human vs. the Common-Human*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Sadra; LRC Publishing House (in Russian).

Xunzi (1973) Chapter 17: On Heaven. In: *Ancient Chinese Philosophy* (Yang Hin Shun, Ed.; Vol. 2, pp. 167–174). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Zubok Yu.A. & Seliverstova N.A. (2025) Meaning Deviations in the Youth Environment: Methodology and Research Methods. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12, pp. 28–49 (in Russian).